

ЗИНДЕР Л. Р.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МЕЖУРОВНЕВЫХ ДИСЦИПЛИНАХ

В «Вопросах языкознания» (1986, № 6) была опубликована статья Л. С. Ермолаевой и М. К. Сабанеевой [1]. Статья интересная. В ней есть новые мысли, по-своему увиденные факты, которые авторы стремятся теоретически истолковать. Направленность статьи, о чем говорит само ее название, общелингвистическая; соответственно авторы затрагивают в ней ряд общих вопросов, что побуждает меня высказать по поводу них некоторые соображения.

Начну с вопроса о системном характере языка. Слово «система» так часто употребляется в современных лингвистических работах, притом и в тех случаях, когда оно не столь уже необходимо, что оно превратилось в своего рода заклинание и, как всякое заклинание, начинает терять реальный смысл.

Считается, что признание системного характера языковых явлений отличает современный этап в развитии языковедения. Вместе с тем такое понимание имеет давнюю историю. Достаточно вспомнить младограмматиков с их «Systemzwang» («давление системы»). А если обратиться к Э. Сиверсу, одному из виднейших представителей младограмматизма, то мы найдем в его трудах интереснейшие в этом смысле высказывания. Например: «Нам нужно знать не то, сколько существует оттенков гласных вообще, а то, как устроена с и с т е м а (разрядка моя.— З. Л.) гласных каждого отдельного языкового сообщества» [2]. Несколько позже он писал: «Прежде всего нужно стремиться получить точное представление об устройстве рассматриваемой звуковой системы; следует всегда иметь в виду, что она определяется не столько числом случайно собранных в ней звуков самих по себе, сколько отношением этих отдельных звуков между собой» [3].

Если не стремиться дать строгую и непротиворечивую дефиницию понятия системы, то можно сказать, что основной смысл его состоит в том, что система это не просто сумма составляющих ее элементов, а что эти элементы взаимосвязаны между собой и группируются определенным образом, создавая целостность системы. Когда мы говорим специально о я з ы к о в о й системе, мы должны помнить, что она представляет собой динамическое, нежесткое, сложное образование, состоящее из нескольких подсистем, коррелирующих между собой. Языковая система это целостная структура; все, что имеет место в одной ее части, отражается и в других частях. Хочется напомнить здесь следующие слова А. А. Реформатского: «Но различая качественно отдельные звенья этой иерархической цепи, надо все время помнить о результате: о построении целого — языка. И это не будет ни атомизмом, ни техническим механицизмом. Это и будет структурным анализом, где целое немислимо вне своих частей, а часть всегда часть чего-то» [4].

Целостность языковой системы, иерархический характер образующих ее уровней требуют учитывать при изучении отдельного языкового явления межуровневые связи. Без этого невозможно понять значения грамматической категории, представленной в речи данной словоформой. Все в языке служит для выполнения им коммуникативной функции, а осуществляется это единицами синтаксическими. Отдельная словоформа лишь в особых ситуациях может выступать в речи как самостоятельное предложение. Так, на вопрос: *Чего нет?* может последовать ответ: *Книги*. Или же на вопрос учителя: *Как будет родительный падеж слова «порядок»?* ученик ответит: *Порядка*.

Признание примата синтаксиса провоцирует отрицание самостоятельности морфологии, что и наблюдалось в «новом учении о языке» Н. Я. Марра. Его афоризм — «морфология лишь техника для синтаксиса» — полвека тому назад широко бытовал в советском языковедении. В наше время в общем аналогичная точка зрения представлена в генеративной грамматике.

Однако подчиненность не исключает автономности, которая и присуща морфологии. Это можно проиллюстрировать на примере грамматической категории рода. Синтаксический смысл этой категории очевиден, тем не менее, например, число падежей в парадигме склонения даже в родственных языках различно, хотя функции падежей в предложении в общем совпадают. Далее, один и тот же падеж может выполнять в одном и том же языке разные функции, даже столь различные, как обозначение подлежащего и сказуемого (ср.: *Студент сдает экзамен* и *Мой брат — студент*). Наконец, синтаксически никак невозможно объяснить наличие нескольких типов склонения (например, твердого и мягкого склонения в русском языке, сильного и слабого в немецком).

Таким образом, морфология, несмотря на ее служебную роль при построении высказывания, обладает, так сказать, парадигматической автономностью. Сложность и противоречивость морфологических парадигм нельзя объяснить не только с позиций синтаксиса, но и вообще с синхронической точки зрения. Только сравнительно-историческое изучение покажет, например, что первоначально в индоевропейских языках система падежных окончаний была единой, а существующее сейчас разнообразие возникло в результате скрещения флексий с разными словообразовательными формантами.

Итак, правила словоизменения, если можно так выразиться, «набор форм слова» в синхронии полностью независимы от синтаксиса. Напротив, выбор той или иной словоформы из этого набора определяется формой высказывания, что является предметом синтаксиса. Например, в предложениях: *Мой сосед построил веранду за одну неделю* и *Веранда была построена моим соседом в течение одной недели* словоформы — *сосед, соседом, веранду, веранда, построил, построена* и т. д. взяты, так сказать, в готовом виде из соответствующих парадигм склонения и спряжения. Выбор же требуемой словоформы продиктован ее синтаксической ролью.

Трудно понять, почему Л. С. Ермолаева и М. К. Сабанеева из совершенно правильного утверждения («...понимание... „механизмов“ морфологических изменений становится возможным в результате изучения функционирования морфологических единиц в определенных синтаксических конструкциях при условии, что языковая система рассматривается не изолированно от речевой деятельности, а в тесной взаимосвязи с нею») делают такой вывод: «При изучении эволюции морфологической си-

стемы становится очевидной необходимость выделения области морфосинтаксиса, в некоторой степени аналогичной области морфонологии» [1, с. 58].

Я сказал бы, что такая «необходимость» становится не только не «очевидной», а совершенно исключенной. Что может быть предметом этой новой дисциплины? Чем она должна заниматься? Изучением морфологических изменений в связи с синтаксисом? А что же «чистая» историческая морфология и «чистый» исторический синтаксис, которых морфосинтаксис, надо думать, не ликвидирует, могут не обращать внимания на межуровневые связи?

В качестве примера Л. С. Ермолаева и М. К. Сабанеева приводят высказывания Т. В. Строевой о развитии в системе наклонений немецкого языка так называемого комментатива, становление которого происходило в соответствующем синтаксическом контексте. Нет ни малейшего сомнения в том, что Т. В. Строевой и в голову не приходило, что значение морфологической категории формируется независимо от ее функционирования в речи.

В заключение — несколько слов об аналогии между морфосинтаксисом и морфонологией. Звуковая сторона занимает в языке особое место. Это не какой-то уровень в иерархической структуре языка. Звуковая материя — форма существования языка, любого его элемента, начиная с морфемы и кончая высказыванием любой протяженности. Звуковая сторона в одинаковой степени связана и с морфонологией, и с синтаксисом, и с лексикой, но это — связь формы с содержанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ермолаева Л. С., Сабанеева М. К.* К проблеме морфосинтаксиса // ВЯ. 1986. № 6.
2. *Sievers E.* Grundzüge der Lautphysiologie. Leipzig. 1876. S. 49.
3. *Sievers E.* Grundzüge der Phonetik. Leipzig, 1881. S. 4.
4. *Реформатский А. А.* Очерки по фонологии, морфонологии, морфологии. М., 1979. С. 101.